

Вероника Тутенко

ПЕРВЫЕ ИЗ ИНДИГО

детектив

Вероника Тутенко

Первые из индиго

«Издательские решения»

Тутенко В.

Первые из индиго / В. Тутенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747356-3

«Первые из индиго» — второй роман об Инге Иволгиной. Первый, «Если вы не бессмертны», был опубликован в журнале «Люблю читать». Новое журналистское расследование приводит героиню в Школу Радости, где обучаются особенные дети. Роман был опубликован среди новых педагогических разработок в сетевом издании «Современные педагогические технологии».

ISBN 978-5-44-747356-3

© Тутенко В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Первые из индиго

детектив

Вероника Тутенко

© Вероника Тутенко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕДАГОГ О РОМАНЕ

Для меня как для педагога эта книга представляет большой интерес. Я прочитала её на одном дыхании. То, над чем я задумывалась раньше, я нашла в ней в утончённой, интересной интерпретации. То, что я ещё не успела объяснить своим ученикам, я непременно объясню, пользуясь текстом книги, её неповторимым, красивым языком. Например, как можно бережнее относиться к миру мыслей, уметь желать блага своим обидчикам, понимать, сколь дорого стоит обман, учиться у дельфинов доброте, тонко чувствовать грань между добром и злом, осознавать, что притворство и несправедливость – главные враги не только людей-индиго, а всех людей вообще, что белой зависти быть не может, что, мстя другим, мстишь себе, что необходимо учиться отличать истинную радость от наслаждения и так далее.

Очень глубоко и тонко раскрыта психология детей – индиго, которые не принадлежат только этому миру. Они своими корнями погружены в иные миры и являются камертоном, по которому все другие люди могут сверять частоты своих помыслов.

А о школе, в которой живут и учатся эти дети, мечтали и мечтают многие лучшие учителя мира; о школе, в которой царят Любовь, Талант, Добро, Чуткость, Отзывчивость, Равенство в отношениях детей и взрослых: грань Учитель-Ученик полностью стёрта, нет возрастных рамок, нет намёка на психологическое давление. Главный обучающий принцип этой школы «Я люблю». Что может быть прекраснее?

Елена Дмитриевна Иванникова, учитель иностранного языка, отличник народного просвещения

«Кентавры бежали по мокрому лугу и издали показались мне несимпатичными, но с этим надлежало мириться: всё-таки они были проводниками между мирами.

Нет, обычных лошадей я, конечно же, люблю, но никогда не думал, что мне придётся иметь дело с их человекообразным подобием, а тут ещё этот дождь.

Я сначала смотрел на него из окна и не помню, как вышел на улицу, хотя вроде бы был и не в том состоянии, когда наутро вместо «доброго утра» бормочут коллегам «утро туманное».

Туман, кстати, был, и довольно густой, а дождь уже кончился, НО повторяю: я был абсолютно трезв, когда оказался на том лугу недалеко от моего дома. И я уже знал, кто откроет мне истину...

Каково же было моё удивление, когда я узнал, что Великий Гуру сам хочет познакомиться со мной, и спросил у нашего общего знакомого господина И., не устроит ли он нам встречу в его доме.

Можно только представить себе, какие я испытывал чувства накануне этого знаменательного дня, сколько переволновался и передумал, не разочаруется ли Гуру. Мысль об обратном не приходила мне в голову.

Собственно говоря, я вообще никогда не разочаровываюсь в людях по одной простой причине – я принимаю их априори, не ожидая ничего сверх.

Представлять заранее людей – одно из самых глупых занятий, которые только можно себе представить, потому что сто и один процент – они окажутся хотя бы чуть-чуть не такими.

Однако одно я знал наверняка: Гуру известно то, что скрыто от других.

Вот тогда-то я и поинтересовался у господина И., кто были те кентавры, и, загадочно помолчав, он ответил: «Проводники».

Чуть позже выяснилось, проводники между мирами – такова суть кентавров».

Ещё пару месяцев назад, увидев эти дневниковые записи, сделанные рукой одного весьма уважаемого мною человека, я и сама решила бы, что это полный бред, ведь тогда я даже не подозревала, что... Впрочем, меньше всего на свете я думала тогда о кентаврах...

Глава 1

О чём не скажет Эхо?

В среду после обеда Чевычелов, как обычно, пришёл некстати.

Приходить некстати – его особый поистине феноменальный дар. Хотя сам Чевычелов считает, что у него масса других феноменальных способностей. Писать гениальные репортажи, например.

Чаще всего Чевычелов навещается в редакцию «Криминальной хроники» в понедельник вечером, то есть в самое неудобное время, какое только можно придумать – разгар «газетного дня». Но на прошлой неделе, как раз в понедельник вечером, главный редактор Константин Балоцкий весьма недвусмысленно дал Чевычелову понять, что будет гораздо лучше, если он выберет какой-нибудь другой день для визитов. Чевычелов выбрал среду. Если верить статистике, именно в этот день люди чаще всего ссорятся. Вот и сейчас по телефону один ненормальный директор филиала компании сотовой связи заявил, что не будет давать «жёлтой прессе» никаких комментариев, тем более, по телефону, но потом всё-таки милостиво разрешил «подъехать в течение получаса, если интервью не отнимет много времени». Так что имело смысл поторопиться.

Но Чевычелову, по всей видимости, спешить некуда, и он, явно, был настроен на долгую беседу. С отсутствующим видом зачем-то схватил с моего стола мой же блокнот и, повертев его в руках, положил обратно.

– Трудно сегодня журналистам, – вздохнул Чевычелов и уселся напротив. – В «Регионе» триста рублей за материал заплатили.

Пришлось посочувствовать, хотя и вышло не вполне искренне. Учитель биологии по образованию, а по статусу вот уже почти год безработный, Чевычелов зачем-то вдруг ударился в журналистику, ходит по всем редакциям, приносит какие-то заметки, из которых публикуют в лучшем случае только пятую часть и то в урезанном виде.

– Инга Николаевна, как там мой материал? – высокий голос Чевычелова стал вдруг капризным и даже обиженным.

По возможности коротко я объяснила, что материал, который он громко заявил как «компромат на Колесниковых», не подходит нам по формату. «Компромоматом» оказались пространственные рассуждения о том, что раньше служить в армии было почётной обязанностью, а сейчас такие молодые люди, как сын директора макаронной фабрики, который вот уже семь лет успешно «косит» от армии, напрочь забыли о своём гражданском долге.

Чевычелов, однако, не собирался так быстро сдаваться.

– Может быть, мне подать фактуру в другом ракурсе? Надо же поднимать в прессе проблемы нашей армии!

В итоге ещё пять минут пришлось объяснять, что история сама по себе мало интересна для того, чтобы быть опубликованной отдельной статьёй. Разобиженный, Чевычелов тут же извлёк из старомодного саквояжа и положил передо мной кипу бумаг, перехваченных скрепкой внушительных размеров.

– Вот тут у меня в запасе есть ещё кое-что...

Выяснять, что это, о чём и зачем, времени уже не было, и, торопливо кивнув, я стрелой вылетела из редакции, мысленно ругая сорокалетнего внештатного автора за занудство. Как бы то ни было, именно от Чевычелова я впервые услышала о Генерале...

В компании сотовой связи меня разозлили ещё больше. Вместо комментариев по существу занятой директор, не особенно стараясь быть тактичным, объяснил мне, что, в сущности,

проблема, которую мне вздумалось поднимать, вовсе не проблема, а истерика сумасбродного абонента. Но на самом деле, проблема, конечно, есть, а сумасбродная клиентка – моя хорошая знакомая, если не сказать больше – друг семьи. Инночка, конечно, дама весьма сумасбродная. Кто бы в этом сомневался! Пожалуй, только сама Инночка, которая добрых четыре десятка лет ищет гармонию, и всё никак не найдёт. А вот с дистрибуцией у неё получается гораздо лучше. Инночка весьма успешно реализует среди своих знакомых помаду, духи и т. д. и т. п., а параллельно ещё проводит какие-то соцопросы, типа: «Какие сорта кошачьего корма предпочитает ваш любимец?». Имеется в виду, конечно, четвероногий.

Суть конфликта заключалась в следующем. Инна заплатила три тысячи сразу, с тем, чтобы целый месяц звонить по мобильнику сколько угодно, то есть проводить соцопросы. Но неожиданно её отключили. Как оказалось, причём совершенно неожиданно для Инны, трепаться по мобильнику в течение месяца можно было сколько душе угодно, но только... не вести деловые переговоры. И самое интересное, Инна ведь сразу по-честному сказала, с какой целью хочет воспользоваться этой услугой. В общем, беспредел. А тут ещё Чевычелов, терпеливо ожидавший меня в редакции...

– Инна Николаевна, я вот тут подумал... – (Оказывается, всё это время он что-то замышлял). – Не написать ли мне о жизни в деревнях?

...И странно, как они узнали, что Инна, действительно, ведёт деловые разговоры, если соцопросы вообще можно отнести к таковым. Неужели прослушивают?..

– Нет, это не в нашу газету. Вы же знаете, наша специфика – криминал.

Отвязаться от Чевычелова не так-то просто. У Светки, бывшего замредактора, получилось бы в два счёта. Но Светка в декрете. Две недели назад родила мальчика – три восьмьсот. Богатырь! И вот теперь, пока она не выйдет из декрета, мне приходится подписывать разные бумаги и вести деловые переговоры, причем, не по мобильнику, а tet – а – tet, что напрягает ещё больше, с такими вот занудами! Наш ответственный секретарь Новиков, конечно, умирает от зависти, такой уж у него характер. Пообщался бы денёк с Чевычеловым, стал бы реальнее смотреть на вещи. А так бесполезно доказывать, да и не надо.

– Сразу видно, вы родились в городе... – с сожалением произнес Чевычелов. – А я, знаете ли, в деревне...

– Я тоже в деревне...

Светка бы, точно, не допустила подобной глупости. Завязать разговор с Чевычеловым, значит, можно даже не надеяться, что удастся развязать его в ближайшие, в лучшем случае, полчаса.

– Все великие люди родились в деревне, Ломоносов, Есенин... – глубокомысленно продолжал Чевычелов.

За нависшим многоточием, по всей видимости, должны были следовать наши с ним имена, пока ещё, правда, не вписанные в историю крупными золотыми буквами.

– Да... – с этим трудно было не согласиться.

А родилась я в деревне, можно сказать, по чистой случайности. Папа, инженер по образованию, после института попал по распределению (была тогда такая напасть) в Воркуту. А зимой там такой мороз, что беременная мама осталась пережить холода в Брянской области. Там-то я и родилась.

Маму спросили в роддоме: «Что писать? Воркута или Волжино?». Мама подумала и решила: «Пусть будет всё по – честному. Волжино значит Волжино».

Но это так, небольшое лирическое отступление, которое к Генералу прямого отношения не имеет.

Чевычелов же родился в деревне вполне закономерно. Там жили его родители, его бабушки и дедушки.

– У нас вот деревня была – сорок домов, – вздохнул Чевычелов. – Теперь только один дом остался, с огородом и садом. Какой там сейчас белый налив!

При всей моей любви к белому наливу меня гораздо больше интересовала компания сотовой связи, кинувшая Инночку. Поэтому я принялась ритмично стучать по клавишам.

Однако Чевычелов не понимает таких тонких намёков.

– Хотите, напишем о заброшенных деревнях в соавторстве? – предложил Чевычелов воодушевлённо и неожиданно таинственно.

Ничего не скажешь, приятная перспектива – день в заброшенной деревне с занудой, да еще и страдающим манией величия! Если бы хотя бы он не проявлял ко мне интерес, как к женщине. И ему совершенно плевать на непробиваемую невидимую стену, которую, высокопарно выражаясь, я возвела между нами.

– Нас не интересует эта тема, – повторила я, на этот раз подчёркнуто холодно, но Чевычелов посмотрел на меня так, как будто я нанесла ему смертельный удар в спину, так что, тяжело вздохнув, мне пришлось добавить. – Но если только вы напишите о самогонщиках... Ну там, может быть, привлекли кого-то к ответственности. Или, наоборот, в деревне в каждом доме самогонный аппарат, и никому дела до этого нет.

– У нас и гнать самогон некому, – задумался Чевычелов. Видимо, под словом, «деревни» он понимал одну-единственную, ту, в которой родился. – Один Генерал в деревне остался...

– Генерал? – слово «генерал» прозвучало так неожиданно, что я оторвалась от компьютера. – Это прозвище?

Моя реакция подействовала на Чевычелова ободряюще.

– Прозвище, – закивал он головой, и прежде, чем я успела спросить, почему его так прозвали, предупредил мой вопрос. – Не знаю даже, почему его так прозвали. Сколько помню, «генерал» да «генерал».

– Интересно... – Чевычелову всё-таки удалось разбудить моё профессиональное любопытство... – А почему он остался в деревне?

– Этого я не знаю... Деревня тем и известна, что живёт в ней испокон веков генерал, не то настоящий, не то какой-то преступник... А кто, зачем, откуда – Чевычелов развёл руками.

Непостижимым образом старые деревни всегда влекли меня, как будто здесь и только здесь можно было ухватить за хвост комету-прошлое, чтобы все убедились, она хорошее предзнаменование уже хотя бы потому, что, высоко летая, стремится к земле и безудержно, бесстыдно красива.

Наверное, поэтому мне нравится бывать в гостях у Леночки – Елены Дмитриевны Иваненко, нашего бывшего штатного переводчика. Да-да! У нас была и такая должность!

Говорят, вещи, всё, что нас окружает – продолжение нас самих.

Поэтому я люблю бывать у Леночки в гостях. Нет, «люблю» не значит «часто бываю». Наоборот. Если бы я была у неё часто, это как пить каждый день розовое шампанское. Надоест или просто сопьёшься.

Праздник каждый день – уже не праздник, а «день сурка». А будни в таком случае становятся чем-то необычным, а значит, желанным, Праздником.

Точно также и с Леночкой.

Она – уникальный человек и даже явление. И особая гордость Балоцкого. Колонка «В мире» была у нас, что называется, из первых уст, – с зарубежных сайтов и блогов. Лена знает английский, немецкий и французский, а в молодости работала переводчицей в Германии, вернее, правильнее будет сказать так «в пору первой молодости», потому что в пятьдесят четыре задора у Леночки, как у двадцати четырёхлетней.

Странное слово «задор», но выражает почему-то больше, чем просто «энергия». Энергия и что-то ещё.

В Берлине Лена вышла замуж за немца, а через год развелась, но вскоре в её честь снова звучал Мендельсон. Её новый супруг был также арийских кровей. И также их семейная лодка обо что-то разбилась.

Но к тому времени развёлся директор того самого издательства, где Лена работала переводчицей, и сделал ей предложение, но она отказала и неожиданно для всех своих коллег вместе со своими двумя дочерьми вернулась в Россию, в родное село Малые Зори.

Чем был вызван тот порыв, она и сама до сих пор не может понять.

Впрочем, ни о чём не жалеет. А вот мне, признаться, жаль, что Лена забросила в последнее время нашу колонку, тем более, что Балоцкий говорит, это потому, что я не умею продуктивно работать с людьми. А уж что он сказал о нашем с Чевычеловым будущем сенсационном журналистском расследовании, не хочется лишний раз вспоминать...

Да, если где-то есть двумерный мир, то я знаю, где он встречается с нашим. Я видела его застывший полёт.

«Как же там летать, если есть только плоскость, и нет высоты?» – спросите вы, и были бы правы, но этот мир по вертикали. Можно только до бесконечности вверх. Или вниз. Но с крыльями вниз невозможно.

Нет, это не ангелы. Люди.

Таковыми их рисует младшая дочка Леночки Анжела.

Их так много, что, кажется, слышится шелест крыльев, и тиканье настенных часов становится неуместным.

У людей-ангелов нет, пожалуй, и пола, хотя одни чуть более женственны, а другие чуть более мужественны.

На одних рисунках и картинах крылья белые, птичьи, на других – многоцветные огромные узорчатые крылья бабочек.

А на большом вертикальном портрете у старинного пианино – с бабочковыми крыльями изображена сама Елена.

– Тоже дочь нарисовала? – замерла я перед ним, увидев это чудо в первый раз.

– Нет, папа. Тоже был художник и тоже изображал крылатых людей, но из всех его работ сохранилась только эта, – она показала на привлекавший моё внимание портрет. – И эта, – перевела взгляд на меньшую по размеру, но не менее восхитительную картину, на которой из-за облака виднелась большая стая, в которой вперемешку красивые люди и разноцветные птицы, каких и нет в природе на земле, летели все вместе навстречу солнцу.

Нет, это мир по диагонали.

Отец Лены был директором художественного училища, расположенного в близлежащем старинном городке.

Ученики его боготворили, а один из них даже написал его портрет – единственная картина в квартире Лены, на которой нет крыльев, но, наверное, за спиной они есть, просто не видны.

Но о них легко догадаться, вглядываясь в пристальный и удивительно при этом добрый прищур из-под очков и мягкую улыбку мужественного и необыкновенно благородного лица.

Благородство это проступает и во всём облике Лены, и вместе с тем – такая искренность и лёгкость, что безо всякого зазрения совести я перешла с ней на «ты», не взирая на то, что нас с ней разделяют двадцать пять лет...

Итак, мы с Чевычеловым отправились-таки за город на его раритетном «Москвиче». Не могу сказать, чтобы я уж очень жалела об этом, хотя, не скрою, Чевычелов вызывает у меня не то, чтобы сильное, но всё-таки раздражение. Может быть, потому что он готов хоть сей момент на мне жениться, хоть и не говорит об этом прямо, а с Максом не всё так просто.

Начав их сопоставлять, я и вовсе почувствовала стойкое, как запах дорогих или очень дешёвых духов, отвращение, тем более, что мой назойливый спутник начал вдруг рассуждать, что в целях экономии мы могли бы снять один номер в районной гостинице на двоих.

– Только не подумайте ничего такого, Инга Николаевна, – добавил он с препротивнейшей суетливостью, от которой меня и вовсе затошнило, и только чудом удалось сохранить маску спокойствия на лице.

– Не беспокойтесь, простите, как ваше отчество... Станислав Алексеевич, о вас никто плохого не подумает, к тому же за меня всё равно платит редакция...

– Извините, – рассеянно пробормотал Станислав Алексеевич.

Да, наверное, я становлюсь немного стервой, хотя сейчас принято навешивать стервозность, как лейбл, на любую привлекательную девушку или женщину, если она независима, знает себе цену и умеет поставить на место наглеца. Если к тому же она имеет хоть какой-то более-менее весомый статус в обществе и при этом умна и талантлива, никому по сути вообще нет дела, что «стерва», если всмотреться в глубину, значит «мёртвая», а она – живая душа, которая хочет чувствовать и быть понятой.

– Мне кажется, генерал там живёт неспроста, – продолжал Чевычелов нести несусветную чушь. – Я там как-то видел сам людей с рамками. Скорее всего, там находятся залежи полезных ископаемых, Мы... вы могли бы найти спонсоров, мы их добудем, а доходы поделим поровну.

Я окончательно убедилась, что связалась с сумасшедшим, и, если начать возражать, конца обсуждению проекта не будет.

– Но как же... – подыграла я. – Спонсоров искать буду я, а доход, значит, поровну?

– Вы можете взять большую часть, – милостиво согласился Чевычелов, надеясь, видимо, на мою совесть, – на своё усмотрение.

– Но спонсоры... Когда они узнают, где золотое дно, они ведь могут обойтись и без нас и не отдать нам нашу долю.

– Да, могут и кинуть, – согласился Чевычелов и, к огромному моему облегчению, раздумывал о чём-то до тех пор, пока райцентр не остался позади, открыв нашим взглядам сначала поля подсолнухов, а потом ещё большее чудо – сбившихся посреди другого, заброшенного, поля, белых цапель.

– Они прилетели с Украины, – со знанием дела определил Чевычелов.

– А вы откуда знаете?

– Я, знаете ли, Инга Николаевна, как-никак по образованию учитель биологии и географии.

– Интересные науки, – похвалила я искренне, так как комплимент относился к субстанциям, непосредственного отношения к моему вынужденному спутнику не имеющим.

Явление цапель было настолько прекрасным и неожиданным, что походило на видение, и чтобы впоследствии убедиться, что это не так, я схватила за фотоаппарат.

– Вы хотите разместить это фото в газете? – нахмурился Чевычелов.

– Да. А что? – насторожилась я.

– Но могут приехать браконьеры, и вот эта красота, – обвёл белых птиц обеспокоенным взглядом, – станет чучелами.

– Да, Вы правы...

– Они танцуют, – закатил глаза Чевычелов. – Наверное, ему, и правда, слышалась музыка.

О таких говорят, «не от мира сего», но я-то от этого мира, и мне хотелось поскорее закончить репортаж. Но, конечно, слишком спешить было тоже ни к чему, когда вокруг обступал, уж простите за пафос, близкий неведомый мир.

– Хотите верьте, Инга Николаевна, хотите – нет, но это место принесёт нам однажды богатство, – продолжал Чевычелов. – Здесь никто иной, как Соловей-Разбойник промышлял, дорогу к Киеву честным людям преграждал, – заговорил по-былинному.

– А вы откуда знаете?

– Хм!.. – с превосходством взглянул на меня. —

...у той ли-то у Грязи-то у Чёрной,

да у той ли у берёзы, у покляпя,

да у той ли у речки у Смородины,

у того креста у Леванидова

сидит Соловей Разбойник

Одихмантьев сын.

Вот здесь он и сидел, – показал на старый дуб с большим дуплом у тропы, по которой мы шли к дому таинственного Генерала.

– Может быть, и в *том* доме живёт Соловей Разбойник, скрываясь за прозвищем Генерал?

– Неужели вы не знаете, что здесь раньше было славяно-русское поселение? – проигнорировал мою колкость Чевычелов.

Я, действительно, что-то слышала об этом, Впрочем, не вдавалась в подробности.

Заброшенный яблоневый сад, где уже наливался солнцем белый налив, плавно переходил в дубраву, начинающуюся в огромном овраге, который издали можно было принять за пропасть, но не за бездну, а этакий подземный лес, который тянется кронами в наземный мир и даже к небу. А, может, звёзды и сами с присущим им любопытством заглядывают в поросший дубами овраг, как в колодцы, хоть и не могут усилить, отражаясь, мерцание.

– Пришли, Инга Николаевна, – гордо показал Чевычелов на грядки с капустой, тянувшиеся к старенькому одноэтажному дому, как будто посадил их сам.

– Здесь, явно, кто-то живёт, – озвучила я то, что было итак очевидно, хотя отсутствие в доме дверей и стёкол в окнах утверждало обратное.

Правда, внутри в одной из комнат обнаружился совсем ещё новый диванчик с красной обивкой и пожелтевший рисунок, сделанный, по-видимому, чёрными чернилами, в простой деревянной рамке, изображавший в гордый профиль даму в шляпе и с веером.

Больше никаких примет жизни, кроме пустых вскрытых консервных банок, мы с Чевычеловым не нашли.

– Интересно, кто эта дама? – заинтересовался вдруг он, хотя лицо не было чётко прорисовано, видимо, художник писал портрет не с натуры, да и был, скорее, любителем, но Чевычелову хотелось играть в детектива. – Может, жена... Но значит, она жила не здесь, иначе все бы знали о ней... Н-да, не слишком подходящий интерьер для генерала. Скорее, беглый заключённый...

Я промолчала в ответ, и в этой тишине отчётливо хрустнула ветка.

– Тссс! – зашипел мой спутник, хотя в этом не было надобности, и, крадучись, направился к двери.

Я последовала за ним.

– Яблоко упало, – разочарованно поднял Чевычелов спелый плод – настоящее наливное яблочко, только блюдечка с золотой каёмочкой не хватало. – Но вы ведь тоже слышали шаги?

– Кажется, да, – пришлось мне признаться.

– Конечно! – надкусил яблоко Чевычелов. – Он увидел нас и убежал. И больше никогда не вернётся!

Мне пришлось успокаивать паникёра, что кем бы ни был Генерал, в любом случае и прозвища случайно не дают, и заслужил он его, точно, не за трусость.

– Будем надеяться, – согласился Чевычелов.

Когда мы покидали странный дом, снаружи было так же безмятежно, и хотелось потревожить эту подозрительную тишину.

– Эй! Есть здесь кто-нибудь?!

– Кто-нибудь, кто-нибудь, кто-нибудь... – ответило моим голосом Лесное Эхо.

– Тише, тише, Инга Николаевна, – забеспокоился Чевычелов. – Не вспугнёте его...

– Кого его? Генерала?

– Нет, эхо. Оно здесь особое, живое. Вы разве не слышите сами? Оно отвечает тем же голосом, но с другими интонациями.

– Эй, Эхо! Ты, правда, живое? – крикнула я ещё громче.

– Правда живое... живое... живое...

Рядом в овраге хрустнули ветки, и к дому вышел, нет, не Генерал, а оленёнок. Взглянул на нас и убежал обратно в лес.

– Вот это да! Здесь ещё и олени живут!

– Говорю вам, это удивительное место, Инга Николаевна... Не будем беспокоить красоту. Пока мы здесь, Генерал всё равно не вернётся, если не хочет, чтобы его рассекретили... Лучше нагрнуть завтра.

По пути в гостиницу мы остановились у реки. Завидев вдали молодых людей с биолокационными рамками и лопатами, Чевычелов покрылся красными пятнами и закричал, что неизвестные воруют наши ископаемые на том самом месте, в общем, вы помните... Да, такой комичный персонаж, иначе не скажешь, ведь я собираюсь писать об этом, пожалуй, роман, попался мне в спутники.

Вернее, попалась я...

А лопатами орудовали археологи – студенты истфака, и интересовали их отнюдь не виртуальные миллионы, а вполне реальное городище. Под толщей земли уже вырисовывались скалообразные изгибы-очертания древней крепости.

Узнав, что мы из газеты, ребята сразу же отложили лопаты. Только двое загорелых парней с сосредоточенным видом продолжали копать.

– Видите, браслет – стеклянный, – показал один из них, высокий в бандане, находку. – Такие носили в городах. Значит, здесь было городское поселение.

– А правда, что где-то здесь жил Соловей Разбойник? – спросила самого старшего в группе, оказавшегося, как я и предполагала, их руководителем – рыжеволосого худощавого молодого мужчину по имени Андрей Иванович.

– Не знаю, в сказки я не верю, – вздохнул он глубокомысленно, – хотя иногда мне и кажется, что прошлое – время сказок. Наверное, был и Соловей Разбойник на Руси и, скорее всего, не один. Может, был такой и здесь. Во всяком случае, в этих местах нашли уже четыре клада. Самый большой – сундук обрезанных в кружок арабских диархем – думаю, они были спрятаны славянами в конце десятого века. Несколько монет осталось в местном музее старины, останется время – загляните. Не пожалеете!

– А вы живёте прямо здесь, в палатках? – полюбопытствовал Чевычелов.

Вдали у импровизированного временного городка что-то готовили на костре две девушки – одна с двумя длинными косами, другая – с кудрями, спускающимися по поясице. Если бы не обрезанные джинсы на обеих, можно было бы подумать, здесь снимают фильм о Древней Руси.

– Здесь и живём, – подтвердил Андрей Иванович.

– А почему не в домах, ведь вокруг много опустевших деревень? – перевела я разговор на волновавшую меня тему. – Мы сейчас были в одной, там вообще только один дом, хотя, говорят, и навевается туда некто по прозвищу Генерал.

– Призрак Генерала туда навевается, – совершенно серьёзно ответил не верящий в сказки Андрей Иванович.

– Но как же... в Соловья Разбойника вы не верите, а в призрак какого-то там генерала... – растерялась я.

– Не какого-то, а самого настоящего генерала девятнадцатого века, – продолжал убеждать Андрей Иванович.

– Почему вы так уверены? – вставил своё веское слово Чевычелов.

– Потому что видел сам. Два дня назад. Перед рассветом. Слышу сквозь сон, как хрустнула ветка, открыл глаза и вижу – со стороны того дома мимо нас идёт генерал.

– Так вот же, генерал, а не призрак! – поймал его на слове Чевычелов.

– Действительно, – растянул губы в саркастической улыбке Андрей Иванович. – Каждую ночь по старинным дорогам расхаживают генералы в николаевских шинелях...

Прикоснуться к прошлому – не просто метафора, у него есть запах, цвет и даже вкус. Послевкусие.

А будущее для одних – предвкушение, а для других – ожидание, смешанное в той или иной пропорции со страхом.

Настоящее отфильтровывает материю, оставляет память, пока не кончится даже будущее, и мы все не вернёмся в безвременье, где нас давно уже ждут.

А пока люди инстинктивно продолжают цепляться за прошлое, складировав его в музеях...

Музей старины закрывался рано, в пять, но до обозначенного часа мы успели, а специально для нас, вернее, для Чевычелова, закрытие отсрочили на неопределённое время.

Директором музея и экскурсоводом в одном лице оказалась заведующая местной библиотеки – Татьяна Петровна, приветливая пожилая женщина с огоньком в глазах и даже неким фанатизмом, без которого в глубинке не только не создашь что-то дельное, а захандришь, запьёшь и пропадёшь.

Чевычелов показал себя в музее знатоком старинной утвари, даже рушников, хотя вышивать – женское занятие. Впрочем, в Швеции, например, был король-рукодельник Густав V, искусно вышивавший крестиком. Но где Чевычелов и где король?

– Домотканые ковры 19 века, – вдохновенно ощупывал экспонаты Чевычелов с таким видом, как будто обнаружил подлинную голову Ники Самофракийской. – Чёрно-красный узор, характерные петушки и бутоны. Такие ковры ткали на юге губернии.

– Какие у вас глубокие познания! – искренне восхитилась Татьяна Петровна. – Да, ткали вот на таких станках.

Она чинно подвела нас к следующему экспонату.

– А вы сами ткать умеете? – живо заинтересовался Чевычелов.

– Признаться, нет, – растерялась от неожиданного вопроса женщина. – Вот бабушка моя ткала, и прабабушка – жалко, ковров тех не сохранилось.

– А нитки у вас есть? – продолжал удивлять Чевычелов.

– Здесь, наверное, нет, но я могу принести из дома, я здесь живу недалеко. Как раз и чаю попью...

За чаем выяснилось, что ткать Чевычелова научила мама-рукодельница, а по образованию – историк.

– Значит, случайно к нам в музей заглянули? – недоверчиво вдруг взглянул на Чевычелова муж Татьяны Петровны, за что получил строгий взгляд супруги.

– Не обращайтесь внимания, – махнула рукой. – Миша у меня ревнивый. Пойду за нитками...

– Случайно, – ответил Чевычелов.

– А то, я думал, вы специально в наш музей из города приехали, – раздул красноватые щёки.

– А что, часто приезжают СПЕЦИАЛЬНО из города? – встала я незаметно на защиту Чевычелова.

– Представьте себе, не часто, но приезжают и СПЕЦИАЛЬНО! – загадочно и уже более миролюбиво ответил Михаил (представился он без отчества).

– Просто посмотреть или что-то конкретное интересует? – поспешила я уточнить.

– Спрашивали письма или бумаги, документы там какие-нибудь из того дома, где вы были недавно...

– Откуда вы знаете? – удивилась я.

– Молва донесла. У нас она быстро всё доносит. Вот только я бы вам возвращаться в тот дом не советовал. Я и ребятам тем, что приезжали, сказал то же самое. Нехорошая слава ходит о том доме. Говорят, бродит там приведение...

– Выдумки всё это, – насторожился Чевычелов.

– Никакие не выдумки. Призрак Генерала.

– Так здесь жил генерал? – стало слегка жутковато и мне.

– Жил, говорят, но откуда, зачем, почему – толком никому не известно. Бежал, говорят, от кого-то. С местными ни с кем не общался, так затворником и жил. Думали даже сначала, монах-отшельник. И писем никаких не оставил. И документов. Зря искали студенты! А уж удирали они отсюда, аж пятки сверкали, когда генерала ночью увидели. На следующий же день и уехали!

– Нет никакого призрака! – упрямо пискнул Чевычелов.

– Есть! – ударил по столу Михаил. – Сам видел, как он шёл из дома по дороге, освещённой луной. Бррр! Аж мурашки по коже! А в другой раз — почти на том же месте, только утром – кони с головами людей! Может, водочки, ребята, а то чай, да чай?..

– Можно, – согласился вдруг Чевычелов, хотя я почему-то была уверена, что он не пьёт никогда и не при каких обстоятельствах... – Но только нам пора уже идти.

В дверях появилась хозяйка с мотками шерстяных ниток.

Всё-таки я хороший психолог, даже Новиков признаёт, что я тонко чувствую людей. Только мама и Макс уверяют, что я стала черствее и, значит, наверное, хуже. Но не думаю, что это так, просто не каждый считает нужным выставлять напоказ свои эмоции. И это не повод заносить в льдинки или притворщицы. Просто я такая, какая есть, и мне так удобно. А кому не нравится – я никого с собой общаться не заставляю, но нет же, некоторые господа (не будем показывать пальцем) просто жаждут душевных бесед со мной, намекая при этом, что мой характер – не мёд.

Но, надо отдать Чевычелову должное, ткать он, действительно, умеет очень ловко, так и мелькали пальцы. Правда, объяснить толком, как это у него выходит, так и не смог. Педагог, называется!

– Нужно время, – оправдывался он. – Чтобы закончить ковёр, целую зиму просиживали вечерами за ткацким станком. Так с ходу не поймёте... Как-нибудь приеду к вам специально с мастер-классом...

Татьяна Петровна была, конечно, в восторге.

– Будем ждать с нетерпением! – продолжала петь дифирамбы Чевычелову, лишь мельком для приличия взглянув на меня. – И возрождать традиции своими руками. Ведь кто их сегодня хранит? Мастера, народники и краеведы, как мы с вами... Странно, почему я раньше не встречала вас в обществе краеведов, вы ведь, наверняка, в нём состоите...

– Что вы, что вы... – замахал руками. – Я всего лишь так, краевед-любитель, но люблю свой край от души.

– Это главное! – просияла глазами Татьяна Петровна, а я подумала, что ещё немного, и у них начнётся роман. (Не зря ревновал Михаил). Хорошо, они не могут подслушать мои

мысли. Я понадежнее замаскировала ехидную усмешку под маску безразличия, но они всё равно заподозрили неладное.

– Это глиняная посуда тоже девятнадцатого века, – в музее Татьяна Петровна вспомнила о добровольно взятых на себя обязанностях экскурсовода. – Да что я говорю, вы и сами всё видите. Вы, Инга... простите, забыла ваше отчество, ну да вы совсем ещё молоденькая, можно и без него, тоже серьёзно увлекаетесь краеведением?

– Совсем немного, – призналась я.

– Да, сейчас у молодёжи совсем другие интересы, компьютерные игры, Интернет, – покачала головой. Вот у меня тоже два сына...

– Я не играю в компьютерные игры, – закончила я разговор на эту тему. Кому вообще какое дело до моих увлечений?

Татьяна Петровна вздохнула и посмотрела на меня с откровенной жалостью. Видимо, в её глазах я была совсем уж пропащим человеком, которого не интересует ни-че-го ни в этом, ни в виртуальном мире.

От чугунов мы перешли к старинному комоду из дуба.

– Добротную делали мебель, – снова восхитился Чевычелов. – На века.

– Что верно, то верно, – снова согласилась Татьяна Петровна. – И что самое главное, все вещи сделаны с душой. Это всегда сразу чувствуется.

– Верно, – согласился Чевычелов. – Пользоваться такими вещами – одно удовольствие.

И потянул за латунную ручку в форме шишечки.

– Чувствуете, запахло стариной? – он с наслаждением, как женщина изысканный парфюм, вдохнул пылинки, потревоженные в лучах заходящего солнца, и даже полез своим носом с выдвинутым вперёд кончиком, точно желая глотнуть побольше пыли, в ящичек.

– О! – вывернул он шею и глаза, – кверху что-то прилипло. – Может быть, здесь указан торговый знак фирмы?

Он извлёк из комода непрочный приклеившийся листок, но надписей на нём не оказалось.

На пожелтевшей бумаге были набросаны чёрными чернилами фигуры прогуливающейся между деревьями пары – девушки в шляпке и платье, верх которого скрывала перелина, а низ тянулся шлейфом, и молодого человека в шинели.

Лицо девушки было прописано довольно чётко.

Оно было красиво, но в целом почему-то неприятно и кого-то мне напоминало, только, сколько я не пыталась, так и не вспомнила.

Рисунок я, конечно, сфотографировала. Фигуру её спутника художник изобразил лёгкими штрихами, в нескольких местах неожиданно переходящими вдруг в линии-кляксы, похожие на кровавые разводы, и от этого становилось тревожно.

Мне показалось, что с этим молодым офицером вот-вот должна случиться какая-то беда...

– Интересно, откуда этот комод? – поинтересовалась я вслух.

– Из того дома, которым пугал вас Миша. Но сама я никаких призраков не видела и во все эти рассказы не верю, – решительно заявила женщина. – А вот этот сундук в соседней деревне нашла... Я, когда решила создать такой музей, ходила по деревням, расспрашивала, может, у кого что на чердаках осталось. У кого гребень, у кого утюг, у кого кружева – так и собралось всё это богатство. А колыбель, представляете, была в соседнем доме, но и дети, и внуки там давно уже выросли, а правнуки в городе, поэтому забрала с чистой совестью.

По сосредоточенно сдвинутым бровям Чевычелова я поняла, что его тоже уже мало занимает весь этот бесценный для историков хлам, хотя в другое время и деревянные ложки, и корзины, и лапти заслуженно удостоились бы его самого искреннего и горячего интереса.

– А это наши дети рисовали, – широким жестом показала Татьяна Петровна на стену, увешанную красочными работами, на которых карандашами, фломастерами и акварелью во всей своей безобразной красе был изображён он – Одишмантьев сын.

– К Соловей-Разбойнику, вижу, у вас здесь особый интерес, – Чевычелов даже присвистнул.

– А как же? Соловей-Разбойник – наш любимый герой. После богатырей, конечно, но они жили на самом деле...

– А Соловей-Разбойник? – стало мне интересно, что скажет об этом директор музея старины.

– Был, но только не здесь.

– А где же? – воскликнули мы с Чевычеловым почти одновременно.

– В низшем из миров, не зря тёмной силой в былинах зовётся. А Илья Муромец – воин света – истребил всю нечисть в наших местах. Потому-то ни в какие призраки не верю и не видела их, и видеть не желаю...

Распрощались с Татьяной Петровой мы уже на закате, боюсь, снова к неудовольствию её супруга.

– Вы тоже обратили внимание, Инга Николаевна, что этот и тот рисунок, в доме, нарисовал один и тот же человек? – спросил Чевычелов по дороге в гостиницу, которая представляла из себя самый обычный дом с койко-местами и, боюсь, не исключено, и тараканами...

– Заметила, – пришлось мне согласиться.

К счастью, койко-места нашлись в разных комнатах. Никого из постояльцев в гостинице больше не было. Правда, обе без дверей. Впрочем, мой спутник оказался несколько галантней, чем я предполагала, и не стал заглядывать в проём, когда я укладывалась спать, а ограничился тем, что громко пропищал на весь дом, дескать, не желаете ли вы, Инга Николаевна, прогуляться – подышать свежим воздухом перед сном?

Бродить по орошённым росой окрестностям вопреки романтичному настрою Чевычелова у меня не было ни малейшего желания, и чтобы охладить его пыл, я предложила: «Если только вернуться в тот дом...»

– Лучше мы заглянем туда завтра утром, – Чевычелов скрипнул пружинами и громко захрапел...

– Хватит спать, идём купаться на источник, – услышала сквозь сон девичий голос. Оказалось, не приснилось.

Светло-синие глаза так молодо и хитро поблёскивали из-за кружевных занавесок, что я, забравшись в джинсы и уютный пёстрый свитер, покорно пошла во двор. У окна ждала меня хозяйка дома и она же комендантша общежития.

– Меня, кстати, бабушка Прасковья зовут. Не боишься холодной воды?

Спросонья я опрометчиво ответила «нет».

Прасковья хоть и была уже преклонных лет, но стремительной, весёлой, как песня.

Мне и впрямь хотелось петь, как будто я спала до этого не ночь, а много, много лет и меня, наконец, разбудили, как царевну из сказки. Хоть и не поцелуем, но пробуждение было сказочным. Дождь, который опять же из-за крепкого сна я не слышала, оставил след тумана, и теперь мы шли круто извивающейся тропой по лесу, уже пронизанному первыми лучами-стрелами, поющему ликующую птичью разноголосицу:

«А ночи-то и нет».

Есть мрак.

И звёзды.

Значит, свет».

Чевычелова я решила не будить, чтобы не портил занудством волшебства.

– А вы давно здесь живёте? – что-то в женщине было необычное, и я никак не могла понять, что.

– Как родилась, так и живу, даже не выезжала за всю жизнь дальше райцентра, – весело, словно поддразнивая, ответила Прасковья.

– Разве не интересно? – удивилась я.

– А что интересного? – заговорщицки улыбнулась она. – Города были пылью и пылью когда-нибудь станут, а здесь у нас такая красота! Вот Василий с Верой тоже за всю жизнь никуда не выезжали, а теперь и вовсе одни живут, с тех пор, как дети-внуки поразъехались. Сейчас отнесём им банку молока, – показала взглядом на тряпичную сумку, которую сжимала в руке.

– Не страшно им одним в деревне? Здесь у вас вон какие легенды рассказывают...

– Рассказывать можно всё, что угодно, да только знаю я, здесь место светлое, хорошее. Соловьёв у нас, и правда, много, а разбойников ни одного, разве что правнук мой Максимка, так он сейчас с родителями в городе живёт. А меня, сколько дети в город не звали, да только не создана я для жизни той суетной. Вот и Вера с Василием так говорят. Вера – сестра моя, только отцы у нас разные.

Деревня оказалась недалеко от той, где живёт, а может, нет мистический Генерал.

– А волков здесь, случайно, нет? – показалась мне подозрительной близость брянских лесов.

– Раньше были, а теперь живём спокойно – никого не боимся, да и собака, Барбос, у них такая, что любого волка задержит.

Барбос оказался огромным псом, почти с телёнка, облаял для порядку и тут же принялся вилять хвостом.

– Видишь, в какую глушь забрались, – одобрительно улыбнулась Прасковья. – Ночью здесь звёзды ниже и ярче, это в городе вам вместо них фонари, а неба не видно. Здесь, моя милая, всё иначе... Все твои мысли и сны видит звёздное небушко, даже когда звёздочек не видно, и если помнить об этом, всё ненужное спадёт с тебя, как с лука шелуха.

Утренние звёзды подмигнули петухам и погасли, и те принялись радостно горланить, приветствуя новый день так самозабвенно, будто каждый раз с рассветом начинается новая жизнь.

– Опять вместе с солнышком в дом? – обрадовалась разбуженная хозяйка.

За ней показался, зевая, хозяин.

– Вместе с солнышком пришла, молока вам принесла, – в рифму ответила Прасковья.

Василий Никифорович и Вера Андреевна когда-то и сами держали бурёнку, но в девяносто с лишним лет с коровой не управиться.

– А это что за гостя-красавица у тебя? – улыбнулась мне и Прасковье одновременно Вера Андреевна.

– Не у меня, а у нас. Генералом нашим интересуется...

– Разве я говорила?... – от удивления я не знала, что сказать.

А Прасковья только рассмеялась.

– Не знаю, а чувствую. Вот здесь... – приложила руку к сердцу. – Чувствую, потому что дочь я его. Любовь у них была с мамой. Ему уже за шестьдесят поди было... А мамочка вдовой рано осталась, так и жила одна с детьми, пока не встретила его – такого статного красавца. А он вроде бы тоже не один, а с семьёй приехал. В общем, родилась я, плод их запретной любви. В деревне тогда с этим строго было... Пришлось Генералу уехать, а дом тот потом занял какой-то беглец, говорят, опасный преступник. Но милиция никого и ничего не нашла, и разговоры умолкли. Вот такая история, моя милая. Чувствую, ты девушка умная и дары особые имеешь.

– Какие такие дары? – удивилась я.

– Особые, – повторила Прасковья. – О которых, может быть, пока сама не знаешь. Чувствовать сердцем – первый дар. Проверять разумом – твой дар второй. И получать вести и не только те, которые с планетушки нашей – дар особенный третий. Может, и откроется тебе разгадка... Тогда уж и меня, старую, не забудь. Напиши мне письмо, где нашёл свой последний приют Генерал. Мама всю жизнь это место искала, куда только письма-телеграммы не слала. Не нашла. Может быть, мне повезёт... Я ведь как чувствовала, что ты сама к нам приедешь. Сон мне был вчера в руку, как будто ты вручила мне письмо от отца и говоришь: «Просил переслать вашей маме, но я адреса не знаю её. Может, вы перешлёте?» Хочешь, покажу тебе её?

Меня завели внутрь простого деревенского дома, где на столе стояла фотография, с которой улыбалась тёмноволосая женщина с большими миндалевидными глазами, высокими скулами и длинной тонкой шеей. Что-то в красавице было кошачье, точнее, даже рысье.

– Если найду, напишу обязательно, – пообещала я.

– А теперь на источник... – заговорщицки подмигнула Прасковья. – В той воде сами звёзды полощут свои отражения, сразу ум станет светлый и ясный, худое забудется, а доброе – останется. Вода, говорили старики, в нём особенная, всё плохое в себя вбирает, и в землю уносит, на правильный путь направляет, потому что чья-то путеводная звезда сюда упала, может быть, нашего с тобой Генерала, и забил с тех пор здесь ключ. Потому-то и живут здесь у нас до ста лет и больше даже в здравом уме и памяти...

– А сколько вам лет? – полюбопытствовала я.

– Ой, милая! – кокетливо улыбнулась Прасковья. – Зачем тебе знать? Всё равно, если и скажу, так не поверишь...

Вода и впрямь была такой прозрачной и студёной, что, казалось, рождаешься заново...

Чевычелова я обнаружила перед домом-гостиницей энергично приседающим с разведёнными в стороны руками.

– Я уже сделал зарядку, Инга Николаевна, пока вы куда-то пропали. Уже и чаёк, наверное, закипел.

Мы попили кофею в беседке перед домом, что, не скрою, было даже приятно. А перед отъездом решили ещё раз заглянуть в дом Генерала проверить, не вернулся ли хозяин.

По пути, возле того самого поля, где танцевали цапли, нам встретилась повозка, настоящая деревенская гужевая повозка.

– Здравствуйте, – нажал на тормоз Чевычелов. – А кто же в том доме живёт, хотелось бы, простите, узнать, – потянулся головой в сторону таинственного объекта.

– Купить, что ли, хотите? – доброжелательно буркнул восседавший на вожжах мужчина. – Так я вам не советую...

– Почему же? – обрадовался такому повороту разговора Чевычелов.

– Потому что дом хоть и считается ничейным, да уже не первый год наведывается сюда один человек с тёмным прошлым...

– А что же в нём такого тёмного? – поинтересовалась я.

– Тёмное дело... Вроде бы при непонятных обстоятельствах погиб молодой офицер, а Генерал (так его у нас называют) был не то свидетелем, ни то он и убил, но бежал он после этого к нам, в деревню. Деревня тогда ещё большая была, дворов тридцать – не меньше. А потом он куда-то исчез, а дом так и стал с тех пор притоном для злодеев. Говорят, это место с древних времён так и притягивает разбойников. Правда, в отличие от той их шайки-лейки наши разбойники своих местных не трогают. Мы тоже к ним не суёмся и капусту их обходим стороной.

– Загадочная история, – вздохнул Чевычелов. – Спасибо, что предупредили...

– Давайте, ребята! Поищите себе дом в других местах, тем более, что здесь у нас нет ни электричества, ни газа. Вода и то только в колодцах, да есть ещё ключ. Там, говорят, вода

какая-то особенная, прямо живая вода из сказок, и красоту, и силу мужскую дарит. Но сам я не знаю, не проверял. Ну, давайте! Пошла! Пошла!

Кобыла неохотно поплелась дальше, а мы с Чевычеловым заглянули-таки ещё раз в таинственный дом.

Внутри и снаружи всё было так же, как накануне, кроме одной-единственной вещи, заставившей нас с Чевычеловым переглянуться.

Рисунок в рамке, висевшей на стене, лежал теперь на столе, а сверху на стекле, словно в насмешку над нами красовалось надкушенное яблоко.

«Вроде бы при непонятных обстоятельствах погиб молодой офицер», – вспомнилось некстати, а, может быть, очень даже кстати, а следом всплыл в памяти тот рисунок, с которого вот-вот исчезнет молодой офицер...

– Пойдёмте отсюда поскорее, Инга Николаевна, – поспешал Чевычелов обратно в машину.

Я переложила яблоко на край стола, и, прихватив рисунок в раме, последовала примеру Чевычелова...

Пожалуй, это было мудро. Нам кто-то явно дал понять, что выслеживать его бесполезно.

Что-то подсказывало мне, что это и не приведёт нас к истине. Даже если мы и увидим скрывающегося от посторонних глаз в глубинке человека, он тут же скроется, и мы всё равно ничего не узнаем о нём. Во всяком случае, пока он сам не захочет открыться... А для этого должно пройти какое-то время и, возможно, тогда я вернусь к этому репортажу.

А пока я на этом заканчиваю, добавлю только, что сотовой связи там, конечно же, тоже не было, и все наброски делались впотьмах и на обратной дороге. И если бы это произошло по вине оператора, я по примеру Инночки устроила бы скандал.

Операторы у нас, к слову, разные.

Наконец-то цивилизация, я снова в Сети и посыпались sms. И среди них две одинаковые со словами «Куда ты пропала?» от мамы и Макса. Но я же не знала, что мы с Чевычеловым заберёмся так далеко от мира. Но теперь я снова на связи.

Глава 2

Имя для лягушонка

Иногда, когда мне становится грустно, я начинаю собирать чемоданы, ещё не зная, куда и зачем я еду, да и так ли это важно?

Нет, лукавлю, конечно же, важно. Во всяком случае, до тех пор, пока не побываешь по всех местах, где хотел бы побывать. А потом ищешь тех, с кем хочешь встретиться. А я хотела встретиться с родней, с маминой сестрой тётей Риммой, двоюродными тётями и дядями, которых не видела много лет, но, которые, между тем, в курсе всех перипетий моей личной жизни, благодаря маме, конечно.

Возвращаясь к своим корням, мы обретаем себя в новом качестве. Наверное, мне хотелось именно этого... Встречи с истинной собой...

Я мужественно выдержала расспросы тётушек о том, когда же мы с Максом прийдём, наконец, к общему знаменателю; честно говоря, всё это немного раздражает, так как мы с любимым двое взрослых людей и приняли решение отдохнуть друг от друга неделю-другую. И что, скажите, в этом плохого?

Да, у младшей сестрёнки Ксюши уже трое распрекрасных малышей, а у нас с Максом, как говорит мама, вялотекущий роман, хотя какой там вялотекущий – когда один спокойный экстрим?

Экстрим, экстрим, экстрим – и так из года в год. Да. Может, мама и права... Не потому ли меня потянуло вдруг по деревням?

– Ты изменилась, – сказала Лада, с которой мы не виделись лет десять. – Была такая егоза, а теперь стала и степеннее, и женственность в тебе появилась. Мама писала, ты теперь зам редактора, скоро, наверное, и редактором будешь.

Я улыбнулась, наверное, кисло, потому что лучше быть первоклассным журналистом, чем посредственным редактором, а журналист я, действительно, хороший, вот только Балоцкий, похоже, об этом забыл.

Но пока я не стала ставить в известность родню, что собираюсь менять работу, но уже оповестила знакомых, может, кто и посоветует что-нибудь дельное...

Не буду вдаваться в подробности, кто из моих родственников кем кому приходится, потому что и сама разобралась, да, с огромным трудом в Древе, по-научному называемом генеалогическим. А листья на нём – имена. Такая вот обложка Книги Жизни, ведь есть, где-то есть и Дерево, начинающееся от самих Адама и Евы.

А то дерево, которое составили мы – вовсе не дерево, а одна из его бесчисленных крошечных веточек...

Составляли мы его в деревне, старинной, вопреки бездорожью оккупированной дачниками, потому что рядом Волга. В таких уголках собраться родственникам приятно вдвойне, тем более в доме, где жили предки и, кажется, наблюдают за нами, живущими ныне, так что иной раз, прежде чем выпалить какое-нибудь словцо, подумаешь: «А надо ли?» «А что сказала бы бабушка такая-то или дедушка такой-то?». И промолчишь...

По дороге мы, конечно же, застряли в колее и не в одной, но о бездорожье я уже упоминала.

За рулём серебристого фольксвагена бледнел Петруша, чтобы не ругнуться особенно смачно при новой родне, то есть при мне, и матери с бабушкой, которую в семье называют, не смотря на почтенный возраст и благодаря моложавому виду просто Лада.

Так или иначе, мы приехали глубокой ночью, как показалось мне, прямо в прошлое, слившееся вдруг с настоящим и, быть может, даже опередившее его.

Разбредаться по кроватям и диванам мы начали уже часа в два ночи. Тёте Римме достался диван у двери, но неожиданно она запротестовала:

– У двери – ни за что! – и пошла проверять, хорошо ли закрыта входная дверь.

Разобравшись с замком, не смотря на уверения, что в дом, если кто и войдёт, то разве что пьяные дачники, которых местные знают в лицо, она улеглась, наконец.

Но боялись тётя Римма не людей, а привидений.

– Я знаю, что в нашем доме есть проход в другой мир, и даже знаю, где он. В печном проёме!

– Выдумываешь всякие глупости на ночь. Спи уже! Это этот, как наш дед Мороз, только безбородый. Санта Клаус! А ещё говорят, что медики – неисправимые материалисты, – усмехнулся дядя Вова.

– А я не медик, а психолог, – с достоинством парировала тётя Римма. – И педагог к тому же. Не забывайте, что у меня два высших образования!

– Да хоть десять! Я так понимаю, шарлатанство всё это, – остался при своих дядя Вова. – Я люблю, чтоб всё просто и понятно.

Но тётя Римма выглядела такой напуганной, что я поинтересовалась:

– А почему ты решила, что проход в другой мир именно там?

– Потому что прошлым летом я спала возле печки, и мне привиделась баба Даша.

– Так это было не во сне? – удивилась Лада.

– Нет, конечно. Вернее, так: между реальностью и сном.

– Она тебе что-то сказала? – заинтересовался Петруша, который в этом доме бывает гораздо чаще, потому что учится на инженера в ближайшем городе, там же, где живёт Лада. А тётя Римма с мужем давно уже перебрались в Москву.

– Нет. Она протянула мне руку, сжатую в кулак, а когда разжала его, в ней были скальпель и бинт, и через месяц мне сделали операцию.

– А я-то думал, я сошёл с ума, – покачал головой Петруша.

– Что такое? – насторожилась Римма.

– Так, ничего, – хотел Петруша утаить интересное, но этот номер у него, конечно, не прошёл.

– Это было тоже летом, когда я перешёл в одиннадцатый класс и думал, куда поступать после школы.

– Да... – вздохнула Римма, вспомнив нелёгкие для всех родителей времена.

– И вот как-то ночью я открываю глаза, как будто от яркого света. И вижу её.

– Бабулю? – замерла тётя Римма.

– Да нет, не бабулю. Александру Матвеевну. Только я тогда её ещё не знал. И она была во всём белом. И она так наклонила голову и говорит: «Ты хочешь знания? Я дам тебе знания». А сидела она вон на том кресле, – он показал на кресло возле печки. – А потом через неделю, когда Алиса Львовна познакомила меня с Александрой Матвеевной, я даже рот открыл. Надо же, моя репетитор – та самая белая женщина. И как-то стало мне чуть-чуть не по себе. А она вдобавок ко всему так же наклоняет голову, улыбается и произносит ту же самую фразу: «Ты хочешь знания? Я дам тебе знания». Только представьте!

– Брр! – передёрнуло тётю Римму. – А что ж ты мне сразу не рассказал?

– Мам, ну я ж знаю, какая ты у нас трусиха... Зря я вообще... А ты почему тогда не сказала, что к тебе явилась бабуля?

– Так! Решено! Спать сегодня я не буду, – и тётя Римма торопливо включила светильники в форме фонариков по углам.

– Да и мне что-то не хочется, – поддержал Петруша.

Соловьи пели на старом кладбище, плавно переходящем в лес, так и хочется написать «серенады». А что же петь ещё в июне? И спать мне, не смотря на столь позднее время, совершенно не хотелось. Я закрыла глаза и пыталась строить дом своей мечты, но эта хитрость мне никогда не помогает, может быть, потому, что я понятия не имею, как хотя бы приблизительно выглядит дом моей мечты.

Наверное, он должен быть в берёзовом лесу, двухэтажный, из красного кирпича. Или, может, лучше в Париже. Но тогда я тем более не представляю, как он должен выглядеть. Или дом-пароход? Эта мысль мне очень даже нравится, но тогда в любом случае нужен ещё и на земле, а лучше сразу два – в Париже и берёзовом лесу.

В общем, сон совершенно не шёл. Я слышала, как храпит, ворочается и что-то при этом бормочет тётя Римма. Я видела очертания старой нехитрой мебели и печки и в то же время шла босая по мокрому лугу...

Я была в том же, в чём легла спать – в ночнушке бабушки Раи, среди них и, может быть, даже одной из них, но на меня почему-то никто не обращал равным счётом никакого внимания, кроме, я думаю, медведей, так и рвущихся с привязей.

Компания, в которой я непонятно как оказалась, была пёстро разодета, и на многих – яркие колпаки, по которым без труда угадывались скоморохи.

Судя по их настроению и частому упоминанию в перебрасывании словами яркого, как карусель, «ЯРМАРКА», мы направлялись именно туда через близлежащие деревни.

Нет, это была не наша, какая-то другая деревня, а наша была под горой.

Мы спускались вниз к тому месту, которое облюбовали бобры, только озеро было больше, и дом был другой, с соломенной крышей, как, впрочем, и у всех домов в окрестности.

В голове моей лихорадочно крутились слова тёти Риммы о том, что за печкой в нашем доме находится проход в другое измерение, и теперь у меня не оставалось на этот счёт ни малейших сомнений.

Конечно, это измерение уступало нашему в отношении благ цивилизации, но скучать здесь, явно, не приходится.

У девушек в длинных вышитых сарафанах и ромашковых венках в руках были бубны, в которые они непрестанно ударяли.

Девушек было только четверо, и все как одна с длиннющими косами и ярко окрашенными чем-то тёмно-бордовым (неужели свёклой?) щеками. И все были очень красивы.

– Что с мишками творится, не пойму, – одна из них перестала бить в бубен и беспокойно переводила взгляд с одного медведя на другого.

Мишек было четверо – все такие худые и грязные, что и медведями не назовёшь.

– С утра спокойными были, – согласилась с ней другая девушка и тоже перестала бить в бубен.

– Так мы до ярмарки целый год идти будем, – сделал в воздухе сальто шагавший впереди скоморох. Из-под колпака его прямыми жёсткими пучками торчали волосы цвета сухой соломы. – А ну, девчата, веселей! Пусть вся деревня слышит, что скоморохи на ярмарку идут!

Девушки с удвоенным задором снова забили в бубны, засмеялись скоморохи, но разудалому нашему веселью пришёл вдруг совершенно неожиданный конец.

– Ах вы, брадобреи окаянные!

Откуда-то со стороны соседней деревни спешил по ромашковому полю наперерез мужчина с длинными волосами, по-видимому, священнослужитель.

Ромашки, бесчисленно рассыпанные по взгорьям, смотрели своими жёлтыми глазами на Большого Брата Солнце и хотели дотянуться до самого неба.

Во сне метаморфозы – обычное явление и даже закон, поэтому не было ничего удивительного, когда я обнаружила, что я – уже не я, а одна из четырёх девушек, и в руках у меня бубен, а я смеюсь и ударяю в него так, как будто всю жизнь только этим и занималась.

Я и не заметила, как мой бубен оказался в руках у бородатого учителя нравов и прошёлся, как он выразился, по бесстыжим мордам брадобреев, то есть артистов-мужчин, тщательно выбритым.

– Хотите быть как женщины, тогда уж и платья носите, как женщины! – сопровождал он свои действия назиданиями. – Ещё и лица разукрасили, негодники!

Да, наше скоморошье войско было с позором разгромлено. Мужчины разбежались кто куда, а медведи, отпущенные с привязи, ещё вертелись среди толочей, не зная, что делать со внезапно обрётённой свободой.

– Держите же медведей! – спохватился тот же скоморох с волосами-скирдами.

Просто удивительно, как рачитель традиций со всеми нами справился, ведь нас было человек пятьдесят, да ещё и четыре медведя, а он один, но силища богатырская...

Когда ко мне вернулось сознание, оказалось вдруг, что я понимаю лягушачий язык.

– Ква! – сказал лягушонок, что в переводе на человеческий означало «что ты делаешь в нашем болоте?»

– Каввааа! – спросил он уже громче, кто я такая, а точнее, потребовал рассказать о себе.

– Кто я такая, и сама не знаю, я шла куда-то со скоморохами. Ты, конечно же, спросишь моё имя и откуда мы шли, но я не знаю, что тебе ответить. А в болото утащил меня медведь. Кстати, ты его не видел?

Лягушонок ответил, что медведь убежал, как и положено медведю, в лес, и будет просто замечательно, если он постарается впредь обходить стороной их болото, тем более, что так лучше для самого же косолапого, а то ведь и увязнуть недолго.

Только теперь я осознала весь ужас своего положения. Я лежу на островке посреди огромного болота, за которым начинаются владения бобров, и как выбраться на большую землю, совершенно непонятно.

Избавление пришло неожиданно. Где-то рядом слышались голоса – старческий и юный.

– Не понимаю только, как вы могли услышать из другой деревни лягушонка, – недоумевал юноша.

– Доживёшь до моих годков, вот тогда и поймёшь. Слух и нюх у меня, как у собаки.

«Помогите!» – хотела позвать я, но из горла вырвался только слабый стон, и всё-таки меня услышали.

– Я же тебе говорил, – обрадовался старик. – Лягушонок зря не позовёт.

От радости я готова была расцеловать лягушонка, и даже ничуть не удивилась бы, если бы он превратился в прекрасного принца.

В этом полусне было возможно всё, но, помятуя о том, что принц у меня уже есть, я ограничилась улыбкой и огромным спасибо, а на прощание спросила, как зовут моего зелёного спасителя.

– Ты можешь придумать мне имя сама, – ответил он и отпрыгнул в траву.

– Хочешь, тебя будут звать Макс? – предложила я лучшее из имён.

– Хорошее имя для лягушонка, – одобрил он, а дальше я перестала понимать его лягушачий язык, и он ускакал по своим лягушачьим делам.

Только тогда я в полной мере ощутила, как болит и ноет моё тело, а голова так и вовсе – чугун чугуном.

Я снова застонала, а старичок покачал головой:

– Ай-яй-яй! До чего только девок пляски с медведями доводят. Пойдём, канатная плясунья!

Мальчик проложил длинную жердь от тверди, на которой они стояли, до моего островка, и оказалось, я, и правда, умею ходить по канату. Интересно, где я этому научилась?

Кое-как, опираясь на их обоих, благо старик был бодр и крепок, а мальчонка коренаст, я добралась до избушки, утопавшей в подсолнухах. Так вот почему я обожаю младших братьев Солнца!

С облегчением я упала на лавку у порога и снова потеряла сознание. Когда я открыла глаза, надо мной хлопотала женщина красоты необыкновенной. Представьте себе огромные миндалевидные, не светло синие – почти голубые глаза с длинными пушистыми ресницами, взлетающими до самых тоже летящих, как далёкие ласточки, как будто нарисованных, бровей. Высокие скулы придают лицу что-то рысье, а маленький, чуть вздёрнутый носик, напротив, – кошачье.

Рот тоже маленький и алый, как два изящных лепестка, а косы чёрные, тяжёлые – никогда таких раньше не видела – спадают прямо на пол, потому что красавица сидит на табурете.

– Правда же, хороша? – услышав, что я пришла в себя, улыбнулся старик. – Дочь моя, так и зовут её, Варвара-Краса. Нигде во всех окрестных деревнях краше девки нет, а женихи наш дом обходят стороной, только издали заглядываются.

– Почему же?

– Было Варваре видение или сон, что суженый её появится в наших местах со стороны Волги, приплывёт на барже по воде. Так и ждёт-дожидается, и красота её не меркнет, только года идут и идут...

– Выпей, сколько сможешь, – поднесла Варвара к моим губам какой-то зловонный отвар. На вкус он оказался слегка горьковатым, так что несколько глотков я сделать смогла.

– А теперь ложись, мамочка, – бережно уложила меня обратно на лавку Варвара, которая, да, в этом не было никаких сомнений, была моей внучкой. Но как же такое возможно?

Голова от напряжения разболелась так сильно, что я проснулась...

Утром я проснулась от позвякивания посуды, приятно переносящего из колыбели снов в домашний уют. Не знаю, который был час, но солнце уже светило ярко.

– Не дождалась тебя, сели чай пить, – оправдывалась бабушка Рая, глядя на пустой стул за столом.

Исходящая лесными ароматами кружка не заставила себя ждать.

– Я с утра уже оладьев напекла, – продолжала бабушка Рая, уютная, очень даже для своего возраста красивая, с добрыми морщинками и смеющимися синими глазами.

Аппетитная горка вздымалась посередине стола.

– Все наши деревенские в сборе, – подмигнула мне Лада. – Только Саши не хватает. Тоже собирался приехать, да спину прихватило.

– А что же Алиса? Не приедет на родственницу посмотреть? – принялась за оладьи, подавая пример, бабушка Рая.

– Ты что! – замахала на неё руками Лада. – Ты же знаешь, сколько у неё дел! Завтра мы к ней сами заедем. Вернее, не к ней, а к Каринке. Она как раз только что закончила ремонт, так что будем праздновать новоселье нашей городской компанией, – снова мне подмигнула.

– А мы уж как-нибудь в деревне жару переждём, – усмехнулась бабушка Рая.

– Сегодня грозу обещали, – вставил веское словцо Петруша.

– Вряд ли... Всю ночь лягушки квакали, – возразила Римма.

– Не квакали никакие лягушки, тебе приснилось, наверное, – стоял на своём Петруша.

Но о лягушках вскоре забыли, потому что появилась сорока.

Сорока не была обычной сорокой, сказочная прямо-таки сорока, огромная, довольная и важная, как почтальон, принесший радостные вести, проскакала от одного окна к другому и обратно.

– Смотрите, не сорока, а конь, – подошёл к окну Петруша, а за ним и мы. – Принесла нам какие-то вести...

– Дядя Саша приедет, – предположила Лада.

А сорока улетела, но отходить от окна не хотелось.

Я и отвыкла уже от сельских пейзажей. Всё работа и город. И спешка, конечно. А так, чтобы просто отдохнуть душой – такого не было давно.

– Смотрите, правда, дядя Саша! – обрадовался, как ребёнок, Петруша. – Не обманула, значит, белобока.

И мы поспешили на улицу.

– Надо же, совсем малявкой была, помню, шустрая такая, гусей по деревне гоняла, – обнялись мы с дядей Сашей, – и вот погляди-ка! Поди и языки знаешь?

– Знаю.

– Только я думал ты ух, а ты худая, как банан, – добавил ложку дёгтя.

Правда, уже через минуту он изменил своё мнение обо мне, потому что в гости заглянула наша дальняя родственница тётя Кира.

– Глянь, какая красавица к нам приехала, стройная, как тростиночка... – занял с порога беседой. – А ты опять на всё лето в деревню?

– А что делать в городе? Там сейчас такая пыль и жара и пахнет асфальтом. От земли хоть тоже испарения, но куда как легче переносятся.

– Всё книжки читаешь?

– Да, новая книга вышла о здешних местах, как закончу – дам тебе почитать...

– Кира у нас учёная, – отрекомендовала бабушка Рая. – Можно сказать, краевед.

– Какой там краевед! – махнула рукой тётя Кира. – Так, для себя интересуюсь, как предки жили. Вот этот дом у вас старинный – лет сто пятьдесят ему точно.

– Потому-то призраки его и выбрали, хотя есть дома и поближе к кладбищу, – нервно засмеялась тётя Римма.

– Кстати, тётя Римма, вот вы вчера говорили, что за печкой... – я на секунду задумалась, стоит ли продолжать рассказ при впечатлительной родственнице, но со всех сторон на меня уже сыпались вопросы о том, кто и как мне явился, и я рассказала свой сон от начала до конца, поощрённая всеобщим молчаливым вниманием. А особенно зачарованно меня слушала тётя Кира.

– Надо же, – произнесла она после недолгого молчания. – Ведь это сам протопоп Аввакум тебе явился.

– Первый писатель на Руси? – не поверила я.

– Он самый, продолжала уверять тётя Кира. – Не веришь? Пойдём, покажу, – она увлекла меня за руку на улицу.

Заинтересованная, я полностью отдалась на её волю, которая привела меня в домик почти на самой окраине деревни.

– Сам протопоп Аввакум во сне тебе явился, – повторила тётя Кира и, ни слова больше не говоря, повела на кухню, где в углу на иконе старообрядческий святой и впрямь был очень похож на приснившегося мне батюшку.

– Так он жил в этих краях?..

– Не только жил, но и начинал здесь своё служение, – укоризненно покачала головой тётя Кира. – В соседней деревне Лопатцах. Очень строг был и к себе, и к другим. Как-то проплывал по Волге воевода, и нажаловались ему, значит, на чрезмерную требовательность здешнего

батюшки. Но воевода сказал ему: «Благословишь моего сына – не накажу». А сын у него был безбородым, что в те времена не приветствовалось. И батюшка отказался наотрез: «Не буду благословлять брадобрея» и всё тут. За это воевода его в Волгу и бросил... Чудом только спасся...

Сон в руку был не единственным удивлением, ожидавшим меня в здешних краях. И даже дома бобров мы с Павлушей увидели наяву, правда, подойти к ним поближе помешала гроза.

Но началась она после обеда, а когда я возвращалась от тёти Киры, возле дома меня ожидал экипированный в камуфляж Петруша.

Рядом с ним покуривал молодой человек тоже в штанах защитного цвета и с обнажённым торсом. Образ искателя приключений дополняли чёрные очки.

Я ожидала, что в столь удалённой от цивилизации деревне молодёжи не будет совсем, но...

– Кстати, тоже Голубев, – представил дальнего родственника Петруша. – Андрей. Он же Кен. Вы, кстати, коллеги.

– КЕНТАВР, – поправил Голубев.

– А где же копыта? – сострила я, наверное, не слишком удачно.

– Не Кентавр, а Кен Тавр, – довольно повторил Кен, видимо, давно заученную фразу. – Сначала я был просто ди-джей Кен, а потом стал Кен Тавром. Правда, созвучно «Кинотавру»?

– А ты и на «Кинотавре» был?

– А как же!

– А что ты там делал? – удивился и Петруша, знавший Кена-Андрея с самого детства.

– Как это что? – обиделся Кен Тавр. – Ты разве не слышал, наш документальный фильм получил спецприз на кинофестивале в Кракове. Ну ты даёшь! Совсем телевизор не смотришь! Деревня! Теперь будем брать «Кинотавр»!

– А о чём фильм? – показала в свою очередь неосведомлённость и я.

– О чёрных археологах...

– Интересно...

– Но фильмы – это больше для души, также как и археология. А вообще я директор медиахолдинга. А ты где работаешь? – обратился ко мне.

– А я работаю в криминальной газете.

– Криминал – это круто, – одобрил Кен Тавр. – Я тоже на телевидении с криминала начинал, а теперь только заграники себе оставил, Россию – всю уже объездил. Остальное – пусть теперь другие ноги бьют.

– Везёт же! А я ещё ни разу не был за границей, – вздохнул Петруша.

– Ещё успеешь, – похлопал его по плечу Кен Тавр и снова обратился ко мне. – А что ты раньше не приезжала?

– Не знаю... Как-то не получалось, – пришлось мне оправдываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.